

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

История России в антропологической
перспективе

Цель: исследование основных этапов развития исторической антропологии в России.

Михаил Кром как один из ярких и наиболее известный представитель современной исторической антропологии в России, автор ряда учебников и многочисленных статей указывает, что «предпосылки для становления исторической антропологии в России появлялись за прошедшее столетие не раз, однако, как направление она возникла в нашей стране (имеется в виду в России) совсем недавно». М. Кром на глубочайшем анализе ряда выдающихся работ русских мыслителей XIX-XX вв. показывает, какие идеи способствовали становлению и могли бы считаться предтечей исторической антропологии, включая ее ответвления в российской науке.

Он отмечает, что в свое время идеи “религиозного фонда” и “среднего религиозного человека”, выдвинутые Львом Карсавиным, весьма созвучны понятию “ментальности”, к которому в те же годы подходили независимо друг от друга Й. Хейзинга в Голландии и М. Блок во Франции.

Остановимся вкратце на биографии и на тех идеях, которые выдвигал Лев Платонович Карсавин (1882–1952), русский философ, историк-медиевист, выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета. В 1913 он защитил магистерскую, а в 1916 – докторскую диссертации. Обе были посвящены итальянскому Средневековью. В 1922 Карсавин был избран ректором Петроградского университета. Однако в том же году, вместе с другими деятелями культуры, был выслан из страны.

В эмиграции в Берлине, затем в Париже Карсавин публикует ряд философских трудов: «Философия истории» (1923), «О началах» (1925) и др. В 1928-м становится профессором Каунасского университета. В 1949 году Карсавина арестовали и отправили в воркутинские лагеря. Буквально до последних дней в нечеловеческих условиях мыслитель продолжал заниматься творчеством, писал религиозно-философские сочинения.

Теоретическими источниками метафизики всеединства Карсавина можно назвать влияние гностицизма, неоплатонизма, восточной патристики, блаженного Августина, Николая Кузанского, А.С.Хомякова и Вл.С.Соловьева. По мнению исследователей творчества Карсавина, своеобразие его метафизики связано с развитыми им принципами методологии исторического исследования. Карсавин-историк решал задачи реконструкции иерархического мира средневековой культуры, обращая особое внимание на внутреннее единство различных ее сфер. Для идентификации «коллективного» в культурно-исторической реальности он ввел понятия «общего фонда» (общего типа сознания) и «среднего человека» – индивида, в сознании которого доминируют основные установки «общего фонда».

Интересны теоретические выкладки Карсавина в области философии истории и онтологии. Само человечество он рассматривал как результат самораскрытия Абсолюта, как богоявление (теофания - в философии существует специальный термин, обозначающий это явление).

Центральным в онтологии и историософии русский мыслитель называет принцип триединства, включающий Первоединство – разъединение – восстановление. История в своих онтологических основаниях телеологична. То есть, Бог-Абсолют является источником и целью исторического бытия человечества как «всеединого субъекта истории». Человечество и тварный мир в целом представляют собой несовершенную иерархическую систему. Тем не менее это единая система, динамику которой, ее стремление вернуться к божественной полноте, к «обожению» определяет принцип триединства.

Карсавин выделяет два вида субъекта: человечество-субъект и индивидуализированные субъекты. Индивидуализированные субъекты низших порядков - это культуры, народы, социальные слои и группы и, наконец, конкретные индивиды - действуют внутри человечества-субъекта. Все эти «всеединые» объединения Карсавин именуется симфоническими или коллективными личностями. Все они несовершенны в своем единстве. «Стяженным единством» называет это состояние философ Карсавин. Но в то же время органический иерархизм разнообразных исторических сообществ указывает на возможность единства или симфонии несоизмеримо более высокого порядка.

Путь же «единства», лишённого исторической органики и метаисторической цельности, связанный с его обезличиванием под давлением идеологий тоталитарного типа, неизбежно оказывается тупиковым.

Высоко оценивая вклад русского философа и его идеи, созвучные с так называемой теорией ментальности, Михаил Кром сожалеет, что в России эта линия не получила тогда развития: научная изоляция от остального мира и принудительное единомыслие на основе вульгаризированного марксизма не способствовали возникновению новых направлений исторических исследований. Конечно, новаторские работы появлялись и впредь, однако в сложившихся условиях у них не было шанса стать своего рода маяком для идущих следом ученых.

Аналогично в полной мере можно выразиться и о замечательной книге Бориса Александровича Романова

“Люди и нравы древней Руси” (1947). Поставив перед собой труднейшую задачу – показать отражение процесса классовообразования “в будничной жизни людей”, автор избрал для ее решения единственно возможный, при скудости сохранившихся источников путь – путь реконструкции социальных типов личности и типических житейских ситуаций.

Вот что пишет в своей рецензии на произведение Бориса Романова, историк Николай Носов: «Автор поставил перед собой задачу не упростить историческую науку до уровня познаний не искусленного в истории, но любознательного читателя, а, наоборот, подтянуть, приобщить этого читателя (особенно молодого, начинающего) к исторической науке, сделать его сообщником историка в изучении своей родины, своего прошлого».

«Б.А. Романов раскрывает перед своим читателем всю кухню настоящего исторического исследования, показывая, как, почему, откуда познает историческая наука подлинную правду жизни тех отдаленных эпох. Раскрытие правды жизни, правды о наших предках - вот основная цель труда Б.А. Романова, который хотел не только рассказать, но и доказать, убедить читателя в достоверности того, о чем он пишет».

А вот что сам Романов пишет об основной идеи своего труда. «Я мог исходить из прочно установленного советской историографией положения, что древняя Русь XI-XIII вв. переживает процесс классовообразования, свойственный и характерный для феодальной общественной формации. В пределах этого положения мне представилось возможным и своевременным поставить задачу, которая не имела в виду моими предшественниками, попытаться собрать и расположить в одной раме разбросанные в древнерусских письменных памятниках (хотя бы и мельчайшие) следы бытовых черт, житейских положений и эпизодов из жизни русских людей XI-XIII вв. Иными словами, как люди жили на Руси в это время (и чем кто дышал сообразно своей социальной принадлежности и тому капризу своей судьбы, какой удастся подметить в памятнике, если пристально в него всмотреться), - таков основной вопрос, который я постоянно имею в виду в своем изложении, решая указанную задачу моего исследования» – конец цитаты.

16. По мнению Романова, его книга - это предлагаемая попытка ответить на главный вопрос и решить эту задачу связана с трудностями, которые обусловлены и ограниченным количеством, и свойствами общеизвестных наличных письменных памятников той эпохи. Памятники эти преимущественно двоякого рода: одни - повествовательного уклона (например, летописи, жития), другие - открыто карательно-запретительного или директивного, законодательного в известной степени характера («Русская Правда», церковные уставы, поучения, правила).

В первом случае камнем преткновения является ничем не сдерживаемая тенденция пишущих либо к идеализации, либо к осуждению, даже опорочиванию описываемого действия, лица или группы.

Во втором - зачастую приходится идти путем умозаключения от наличия запрета или кары к распространенности запрещаемого или караемого действия и от наличия совета или предписания - к отсутствию в повседневном быту предписываемой нормы поведения или к обычности ее нарушения.

В обоих случаях, даже когда приходится отказаться от поисков подлинного факта, все же остается возможность оценить и всмотреться в мелочи жизни, в людей, в черты быта и нравов эпохи. Ведь вопрос о том, как жили люди той или иной эпохи, тесно соприкасается с вопросом о том, как, по их мнению, надлежало жить в условиях их времени.

При указанной разнородности памятников истории объединить их вокруг одной задачи и заставить их заговорить как бы на одном языке, языке жизненной правды, совсем непросто. В большинстве своем памятники куда меньше и в ином стиле повествуют о жизни народных масс, чем о жизни господствующего класса. И это немудрено. Они почти все связаны своим происхождением с христианской церковью, которая была плотью от плоти этого класса и стремилась развить и закрепить его господство на более широкой основе и более гибкими и далеко идущими методами, чем как это было в языческую (бесписьменную) пору. Отсюда возникает и еще одна трудность, связанная не только и не столько с количественной неравномерностью в распределении внимания церковных авторов между верхами и низами общества, сколько с необходимостью неослабного учета особенностей «содержания сознания» этих авторов - людей своей эпохи и своего класса.

По оценке М. Крома, это моделирование, типизация, равно как и сочетание внимания к материальным условиям жизни людей с интересом к их психологии, – сближают книгу Б.А.Романова с “Феодальным обществом” Марка Блока, появившимся всего на семь лет раньше (1939 – 1940). В другой обстановке “Люди и нравы”, вероятно, вызвали бы широкий научный резонанс, стали образцом для подражания, но в Советском Союзе конца 40-х годов книгу ждал другой прием: ее автор был обвинен в “антипатриотизме”.

Последующим импульсом, Кром считает книгу М. М. Бахтина о Рабле (1965), и затем появление

семиотики. Для того, чтобы понять значимость научного вклада величайшего русского мыслителя XX века Михаила Бахтина коротко расскажу об основной идее его популярной и наиболее известной книги: «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса».

Для понимания сути постановки проблемы процитируем самого М. Бахтина. «Из всех великих писателей мировой литературы Рабле у нас наименее популярен, наименее изучен, наименее понят и оценен. А между тем Рабле принадлежит одно из самых первых мест в ряду великих создателей европейских литератур. Белинский называл Рабле гениальным, «Вольтером XVI века», а его роман – одним из лучших романов прежнего времени. Западные литературоведы и писатели обычно ставят Рабле – по его художественно-идеологической силе и по его историческому значению – непосредственно после Шекспира или даже рядом с ним. Французские романтики, особенно Шатобриан и Гюго, относили его к небольшому числу величайших «гениев человечества» всех времен и народов. Его считали и считают не только великим писателем в обычном смысле, но и мудрецом и пророком».

Рабле существенно определил судьбы не только французской литературы и французского литературного языка, но и судьбы мировой литературы. При этом нельзя не отметить особого одиночества Рабле в последующих веках и того факта, что огромное большинство его просто не понимает, и многие образы Рабле до сегодняшнего дня во многом остаются загадкой. Разрешить эту загадку можно только путем глубокого изучения народных источников Рабле. Рабле очень труден для понимания, но если его произведение правильно прочитать, то перед нами раскроется во всем великолепии картина тысячелетнего развития народной смеховой культуры. «Задача настоящего введения – пишет М. Бахтин – поставить проблему народной смеховой культуры средневековья и Возрождения, определить ее объем и дать предварительную характеристику ее своеобразия».

Действительно, народный смех и его формы – это наименее изученные области народного творчества. Узкая концепция народности и фольклора, сложившаяся в эпоху предромантизма и завершенная И.Г.Гердером и романтиками, не вмещала в свои рамки специфику народно-площадной культуры и народный смех во всем богатстве его проявлений. И даже в последующем развитии фольклористики и литературоведения «смеющийся на площади народ» так и не стал предметом глубокого культурно-исторического, фольклористского и литературоведческого изучения.

Именно Бахтин обращает внимание на то, что в обширной научной литературе, посвященной обряду, мифу, лирическому и эпическому народному творчеству, смеховому моменту уделяется лишь самое скромное место. И при этом главная ошибка в том, что специфическая природа народного смеха воспринимается совершенно искаженно, так как к нему прилагают совершенно чуждые ему представления и понятия о смехе. Поэтому можно без преувеличения сказать, что глубокое своеобразие народной смеховой культуры прошлого до сих пор еще остается вовсе не раскрытым.

Между тем, продолжает свою мысль М. Бахтин, и объем и значение этой культуры в средние века и в эпоху Возрождения были огромными. Целый необозримый мир смеховых форм и проявлений противостоял официальной и серьезной (по своему тону) культуре церковного и феодального средневековья. При всем разнообразии этих форм и проявлений – площадные празднества карнавального типа, отдельные смеховые обряды и культы, шуты и дураки, великаны, карлики и уроды, скоморохи разного рода и ранга, огромная и многообразная пародийная литература и многое другое – все они, эти формы, обладают единым стилем и являются частями и частицами единой и целостной народно-смеховой, карнавальной культуры.

Все многообразные проявления и выражения народной смеховой культуры по их характеру подразделены на три основных вида форм:

1. Обрядово-зрелищные формы (празднества карнавального типа, различные площадные смеховые действия и пр.);
2. Словесные смеховые (в том числе пародийные) произведения разного рода: устные и письменные, на латинском и на народных языках;
3. Различные формы и жанры фамильярно-площадной речи (ругательства, божба, клятва, народные блазоны и др.).

Все эти три вида форм, отражающие – при всей их разнородности – единый смеховой аспект мира, тесно взаимосвязаны и многообразно переплетаются друг с другом.

Как ни прискорбно, фундаментальная работа русского мыслителя М. Бахтина не была воспринята исследователями отечественной истории. Хотя, справедливости ради стоит сказать, что работа Бахтина способствовала становлению исторической антропологии в Западной Европе и США: на нее ссылались

в своих работах и высоко ее оценили К. Гинзбург и Н. З. Дэвис, однако на родине влияние Бахтина на историков оказалось в те годы невелико, за исключением специалистов по европейской истории и культуре, таких как А.Я.Гуревич или Л.М.Баткин.

Как уже упоминалось, в становление исторической антропологии нельзя не учитывать влияние семиотики. В России развитие семиотики неразрывно связана с именем Юрия Михайловича Лотмана (1922 - 1993) - советского и российского литературоведа, культуролога.

Лотман разрабатывал семиотику как науку о знаковых системах. Упорядоченной знаковой системой для передачи информации оказывается язык, который не сводится к своей звуковой или графической форме. Знаки являются «материально выраженными заменами предметов, явлений, понятий в процессе обмена информацией в коллективе».

«Константное отношение» знака к заменяемому объекту Лотман именует семантикой. Знаки Лотман делит на «условные» (красный свет светофора, слово) и «изобразительные или иконические» (рисунок, дорожный знак). Однако знаки существуют не сами по себе, а в системе других таких же знаков. Те же рисунки обладают большей понятностью и не требуют специальной дешифровки лишь в границах определённого «культурного ареала».

Не случайно вместо предисловия в своей книге «Статьи по семиотике и топологии культуры» Лотман писал. « Мы живем в мире культуры. Более того, мы находимся в ее толще, внутри нее, и только так мы можем продолжать свое существование». Отсюда важность понятия «культура» и, одновременно, его трудность для определения. Трудность эта не только и не столько в комплексности и многогранности этого понятия, а в том, что оно имеет исходный, первичный характер. В традиционной оппозиции «Природа - Культура» предполагается, что Природа есть нечто первичное, исходное, на что социальные условия и другие «искусственные» результаты деятельности человека накладывают ограничения, именуемые Культурой. Но, как подметил Лотман, «при всей естественности и очевидности такого взгляда, вероятно, само понятие Природы есть создаваемая культурой идеальная модель своего антипода, сущность которого можно определить словами: «Всё без человека». Что позволяет говорить о том, что сам человек неотделим от культуры, как он неотделим от социальной и экологической среды. Он обречен жить в культуре так же, как он живет в биосфере».

Приведем понимание и интерпретацию Лотманом дефиниции «культура». «Культура есть устройство, вырабатывающее информацию. Для того, чтобы культура могла выполнить эту задачу, ей необходима, прежде всего, сложная внутренняя организация. Культура постоянно ведет «игру» с внекультурным пространством, то помещая туда свои страхи, то делая его вместительным своих идеалов и постоянно созерцая себя в этом перевернутом зеркале. Исследователь культуры XX в. с любопытством наблюдает, как в эпоху, когда географический резерв земных территорий был исчерпан, внекультурное пространство было сконструировано в подсознании индивида, что представляло собой часть общего поиска хаоса внутри культуры».

Давая оценку работам Юрия Лотмана и в целом роли семиотики в контексте исторической антропологии, Михаил Кром поясняет. «...Работы Ю. М. Лотмана 1970-х годов о коде бытового поведения людей XVIII-XIX веков были современны и созвучны исследованиям западноевропейских социологов, этнологов, историков, тогда заново открывших для себя мир повседневности».

Более того, британский историк культуры Питер Берк сближает «теорию практики» П. Бурдьё с термином Лотмана «поэтика бытового поведения»: в обоих случаях речь шла о выяснении неписаных правил и условностей, которых придерживаются люди в повседневной жизни. Однако история российской повседневности в том смысле, как ее понимали П. Бурдьё или Ю. М. Лотман, начинает создаваться только сейчас, комментирует М. Кром.

На формирование российской историко-антропологической традиции повлиял действующий в конце 60-х- начале 70-х годов семинар по исторической психологии под руководством Бориса Федоровича Поршнева. И появление сборника статей по этой проблематике, в котором наряду с психологами, философами, специалистами по европейской истории приняли участие и некоторые историки-русисты, такие как Борис Григорьевич Литвак, Геннадий Леонтьевич Соболев и др.

Безусловно, самым заметным и наиболее фундаментальным явлением в развитии исторической антропологии в России следует считать книгу А. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры», вышедшую в 1972 году. Впечатление на историков произвела используемая терминология, хотя в работе и не употреблялся сам термин «ментальность», но использовались все определения терминов, относящиеся к этому понятию - «картина мира», «модель мира», «мировидение» и т. п.

Это было первое и довольно серьезное обсуждение проблем исторической психологии, но, к большому сожалению, вскоре в советской науке эта тема была надолго предана забвению. К чести историков, интерес к этой теме все же сохранился и ждал своего часа. И весной 1987 года академический семинар по исторической психологии был возобновлен под руководством того же самого А. Я. Гуревича, причем теперь участники его заседаний стали активно использовать термин «ментальность».

Таким образом, историческая психология плавно превратилась в историю ментальностей, которая затем была «переименована» А. Я. Гуревичем в историческую антропологию, в соответствии с чем и изменилось само название семинара.

По мнению Михаила Крома, до самого недавнего времени этнография и история России существовали рядом, но не вместе, и, в частности, выполненные в этнографическом ключе исследования ряда ученых жизни и быте русского крестьянства XVIII - XIX вв. не повлекли за собой «антропологизацию» истории других периодов или проблем. При всем при том, что методология зарубежных историко-антропологических исследований не оказывала заметного влияния на изучение российской истории вплоть до 1990-х годов. А между тем в зарубежной русистике историко-антропологический подход начал применяться еще в 80-х годах XX века.

Основные термины

Народная смеховая культура, карнавальная культура, семиотика, историческая психология, история ментальностей.

Дополнительные ресурсы по теме лекции

1. Куприянов А.И. Историческая антропология. Проблемы становления // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. - М., 1996. - С. 366-385.
2. Личность, культура, этнос: Современная психологическая антропология / Под ред. А.А. Белика. - М., 2001.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса.- М.: Худож. лит., 1990.- 541 с.
4. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. 399 с.
5. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: «Искусство — СПб», 2001. 438 с.